

ГАМБИТ ПО МУЛЬТИВЕРСУ

ЯРИН ВЛАДИМИР

Ярин Владимир

Гамбит по мультиверсу

<https://litres.ru/74084776>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что, если вы живёте не той жизнью?

Игорь Андреевич, тридцатишестилетний доцент философии, давно привык к жизни на автопилоте: лекции, кафедра, ипотека, растворимый кофе и усталое ожидание, что настоящая жизнь начнётся когда-нибудь потом.

Но однажды пол на его кухне проваливается — и Игорь оказывается в Мультиверсе, где страхи, мечты, ошибки и невысказанные желания обретают форму.

Его проводником становится Лил — рыжая ведьма межмировых трасс: опасная, дерзкая, смешная и слишком живая, чтобы быть случайной спутницей.

Вместе они пройдут Турнир миров, Библиотеку Судеб, Бюро потерянных снов, Центр выгорания, Бал Миров и границу между «я должен» и «я хочу».

«Гамбит по мультиверсу» — философско-ироническое приключение о любви, свободе и выборе. О том, что судьбу можно переписать, но прожить её вместо себя нельзя.

Содержание

Глава	4
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. Байкеры вечности	13
ГЛАВА 2. Гамбит пятидесятого уровня	26
ГЛАВА 3. Межмировое шоссе и автомойка для душ	48
ГЛАВА 4. Зеркальный мотель	67
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Гамбит по мультиверсу

Глава

Ярин Владимир

ПРОЛОГ

Последняя пара закончилась катастрофой.

Впрочем, для кафедры философии это считалось нормальным рабочим днём.

— Итак, — сказал Игорь, закрывая журнал, который держался уже не на скрепках, а на одной только вере в высшее образование. — Если подвести итог нашей дискуссии, истина, несомненно, существует.

Аудитория, уже натянувшая куртки и закинувшая рюкзаки на плечи, замерла.

— Но мы её, разумеется, не нашли, — добавил он.

Студенты дружно выдохнули.

С заднего ряда, где традиционно обитали самые невозмутимые умы, донёсся ленивый голос Колесникова — человека, который за один семестр успел задать больше опасных вопросов, чем некоторые философы за всю жизнь.

— Игорь Андреевич, а зачем мы тогда два часа спорили, если финал всё равно нулевой?

Игорь посмотрел в окно. Блеклый луч осеннего солнца безуспешно пытался пробиться сквозь облака и немытое стекло четвёртого корпуса.

— Чтобы истина не чувствовала себя одиноко, Колесников. Все свободны. Спасайте мир без меня. До четверга.

Аудитория ожила. Первокурсники хлынули к двери, на

ходу ныряя в экраны телефонов. Они проверяли лайки, спорили о расписании, искали смысл жизни и зарядку от айфона. Игорь поймал себя на циничной мысли, что зарядку в этих стенах найти определённо проще.

Ему было тридцать шесть.

Возраст, когда юношеский идеализм уже выветрился, а благородная старческая мудрость ещё не нажита. Между ними остался только плотный, как утренний смог, кризис разочарования.

Когда-то он искренне верил, что книги великих мыслителей — это ключи от потайных дверей Вселенной. Казалось, стоит прочесть Платона, Канта, Ницше, разобраться с Гегелем и пережить Хайдеггера, как мир обретёт ясность, а сам он станет архитектором собственной судьбы.

Реальность оказалась прозаичнее.

Великие истины превратились в методички. Философия — в расписание. А сам Игорь — в говорящую голову с зарплатой, которой едва хватало на ипотеку за однушку на окраине и растворимый кофе по акции.

Он собрал бумаги в обшарпанную кожаную сумку и вышел из аудитории.

На улице моросил мелкий, въедливый дождь. Город выглядел так, будто кто-то невидимый залез в настройки мироздания и выкрутил яркость и контрастность процентов на двадцать. Серость, помноженная на предсказуемость.

В метро было тепло и пахло мокрыми куртками.

Напротив Игоря сидел мужчина лет сорока пяти. Зажатый между двумя массивными пассажирами, он с отчаянной серьёзностью листал книгу с кричащим названием: “Как стать счастливым за семь дней”.

Игорь скользнул взглядом по его лицу: серая кожа, мешки под глазами, дёргающееся веко.

“Наверное, парень застрял на шестом дне”, — подумал он.

Именно в такие моменты ему казалось, что Вселенная обладает чувством юмора. Правда, довольно злым.

Мир превратился в конвейер упущенных возможностей. Игорь чувствовал себя зрителем, который купил билет на скучный фильм, уснул на середине, а когда проснулся, понял, что выйти из кинотеатра нельзя до самых титров.

Он разочаровался не в философии.

Он разочаровался в том, как бездарно применил её к собственной жизни.

Вечером он поставил чайник на плиту и бросил сумку на стул. Возле стены висел стопка книг — от Платона до Бодрийера. Полка давно закончилась, и книги начали отвоёвывать жизненное пространство.

— Когда-нибудь вы организуете здесь профсоюз и выделите меня к чёрту, — устало сказал он бумажной башне.

Книги высокомерно молчали.

Чайник тоже не торопился закипать.

Игорь подошёл к окну. Ночной мегаполис за стеклом жил миллионами чужих микросюжетов. Где-то ругались соседи,

где-то кто-то признавался в любви, которую завтра убьёт быт, где-то великие человеческие драмы разворачивались одновременно с поисками второго чистого носка.

Вселенная умела расставлять приоритеты.

“Интересно, — подумал он, — есть ли где-то место, где я не опаздываю на собственную судьбу?”

Именно в этот момент пол под ногами издал странный звук.

Не скрип.

Вздых.

Глубокий, металлический, словно под квартирой проснулся тектонический сдвиг. Чашка на столе дрогнула. Ложка подпрыгнула и звякнула о блюдец.

Книги у стены подозрительно притихли, будто давно знали, что всё этим закончится.

— Только не это, — пробормотал Игорь. — Если это трубы, я устрою ЖКХ экзистенциальный террор.

Пол хрустнул снова.

На этот раз обиженно.

Прямо посреди линолеума поползла трещина — тонкая, идеально ровная, светящаяся ядовито-голубым светом.

Игорь замер.

— Так. Либо это новый вид грибка, либо у меня наконец поехала крыша от переутомления.

Трещина расширилась. Из неё ударил плотный золотой свет. Комната наполнилась низким гулом, от которого завиб-

рировали стёкла в серванте.

— Послушай, пол, — Игорь сделал шаг назад, упираясь спиной в раковину. — Мы взрослые, цивилизованные люди. Давай спокойно всё обсудим. Я плачу налоги и ипотеку не для того, чтобы моя кухня делила пространство с чёрной дырой.

Пол с аргументом не согласился.

Линолеум растворился в сиянии, кружка зависла в воздухе, гравитация на кухне передумала выполнять свои обязанности.

А в следующий миг Игорь полетел вниз.

Сквозь квартиру.

Сквозь фундамент дома.

Сквозь самую ткань привычного пространства.

Последнее, что он успел подумать, проваливаясь в светящуюся бездну:

“Надеюсь, это страховой случай”.

Потолок стал полом. Стены превратились в ленты мерцающих дорог. Вместо неба над головой закручивались спирали из букв, цифр и обрывков чужих воспоминаний. Мир сошёл с ума.

— А-а-а! — заорал Игорь вполне естественно для человека, падающего сквозь собственную кухню. — Я хочу офи-

циально заявить, что не давал согласия на подобный эксперимент!

Где-то рядом, прямо над ухом, раздался монотонный механический голос:

— Заявка принята. Претензия зарегистрирована в Едином реестре случайных перемещений.

— Что?! Кто это?!

— Срок рассмотрения жалобы: двести сорок семь стандартных галактических лет. Ожидайте ответа.

— Вы издеваетесь?!

— Не без этого, — меланхолично отозвался голос и затих.

Лил стояла перед зеркалом, тонким, как граница между мыслью и событием. У неё не было стен, потолка и пола в привычном смысле. Пространство состояло из полупрозрачных слоёв времени, наложенных друг на друга, как кадры старой киноплёнки.

Посреди комнаты стояла девушка.

На ней был тёмный кожаный костюм межмирового пилота, а на голове — шлем, иронично повторяющий форму островерхой ведьминской шляпы.

Перед ней парило огромное овальное зеркало. В его глубине стремительно падал тридцатишестилетний московский философ, отчаянно размахивая руками и пытаясь ухватиться за пустоту.

— Он сейчас разобьётся, — сказала Лил, скрестив руки

на груди.

Из полутьмы за её спиной прозвучал голос, старый как сама хронология:

— И что с того? Ты собираешься вмешаться?

— Конечно.

— Почему именно этот? Обычный теоретик, застрявший в собственной голове.

Лил всмотрелась в лицо падающего Игоря. В этот момент он пытался сложить пальцы в знак защиты от сглаза и одновременно вспоминал цитаты Ницше.

На губах Лил появилась лёгкая, дерзкая улыбка.

— Во-первых, он смешной. Он анализирует структуру падения вместо того, чтобы просто орать.

— Это не аргумент для курьера Высшего Совета.

— Для Совета — нет. Для меня — вполне.

Она сделала шаг ближе к зеркалу.

— А во-вторых... его мир почти сожрал его. Превратил в серую функцию. Но сердце у него всё ещё живое. Он умеет удивляться. Среди миллионов существ, исполняющих социальные скрипты, он — дефект системы.

Лил улыбнулась шире.

— А я люблю дефекты.

В темноте воцарилось неодобрительное молчание.

— Лил... Ты снова привязываешься к смертным. Это плохо кончится.

Она не ответила.

Просто шагнула в зеркало.

И уже на границе света сказала:

— Поздно. Я выбрала.

А далеко внизу Игорь, сорвав голос, выдавил последнюю угрозу мирозданию:

— Если я выживу, я напишу такой плохой отзыв об этой Вселенной, что к вам туристы перестанут ходить!

Вселенная тихо рассмеялась громом где-то на периферии сознания.

А на оставленной далеко позади московской кухне чайник наконец закипел, ставя финальную точку в его прошлой жизни.

ГЛАВА 1. Байкеры вечности

Падение прекратилось так же внезапно, как началось. Игорь ожидал удара о бетон, асфальт, загробный мир или хотя бы о какую-нибудь логически обоснованную поверхность. Вместо этого он мягко спружинил, словно упал на гигантский невидимый батут.

Несколько секунд он просто лежал, судорожно глотая воздух.

Потом открыл глаза.

Над ним не было неба.

Там простирался колоссальный купол, расцвеченный новыми магистралями. Дороги переплетались, завязывались в узлы, расходились в бесконечность и выглядели так, будто их проектировал человек, ненавидящий прямые линии.

Игорь перевернулся на бок.

Он лежал на обочине бесконечного шоссе посреди чёрной зеркальной пустыни. Песок здесь не сыпался. Он состоял из миллиардов крошечных стеклянных призм, отражавших свет далёких незнакомых звёзд.

— Так, — хрипло сказал Игорь. — Подвала нет. Хорошее начало.

В этот момент тишину разорвал утробный рёв моторов.

Из фиолетового тумана вылетела кавалькада тяжёлых ховербайков. Машины не касались дороги. Они неслись в по-

луметре над асфальтом, чёрные, с серебряными прожилками, оставляя за собой хвосты синего пламени.

Пилоты были в тёмных скафандрах, шлемах и длинных плащах, которые развевались вопреки скорости, ветру и здравому смыслу.

Впереди всех летела машина, похожая на помесь гоночного болида, ведьминской метлы и летающей чугунной кастрюли с педалями.

Она резко затормозила в метре от Игоря, подняв тучу стеклянных искр.

На шлеме пилота светилась голографическая надпись:

ВХОД РАЗРЕШЁН ГАРАНТИЙ ВОЗВРАТА НЕТ.

На Игоря уставились пронзительные зелёные глаза.

— Добро пожаловать в транзитную зону Мультиверса, философ.

Игорь моргнул.

— Мы знакомы?

— Пока нет. Но ты уже успел подать жалобу на Вселенную, так что формально контакт состоялся.

— Это была вынужденная мера.

— Конечно.

Она протянула руку.

— Присаживайся. У нас пробка во времени, успеешь подумать о смысле жизни.

Игорь посмотрел на ховербайк. Потом на пустыню. Потом

на девушку в шлеме-шляпе.

— Я не уверен, что должен садиться на транспортное средство к незнакомой ведьме.

Лил наклонила голову.

— Ты десять минут назад падал сквозь собственную кухню и ругался с межреальной канцелярией. Твои стандарты безопасности уже довольно гибкие.

Игорь хотел возразить.

Не нашёл, чем.

— Аргумент принят.

Он поднялся на затёкшие ноги и осторожно сел позади неё.

— За что держаться?

Лил повернула голову.

Под визором блеснули зелёные глаза.

— За меня.

— Простите?

— Держись крепче, философ. Мультиверс не любит тех, кто соскальзывает на поворотах.

Байк рванул с места.

Игорь вцепился в Лил так крепко, что на обычной Земле это уже считалось бы серьёзным намерением.

Шоссе ушло вверх под углом, невозможным для приличной геометрии. Асфальт вытянулся сияющей лентой. Звёзды по краям дороги превратились в длинные полосы света.

Игорь посмотрел вниз и тут же пожалел.

Асфальт под ними не был сплошным. Он состоял из гигантских цифровых панелей, похожих на табло фондовой биржи. По ним бежали котировки:

КУРС ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НАДЕЖДЫ К ЗДРАВОВОМУ СМЫСЛУ: НЕСТАБИЛЕН.

ИНДЕКС ИСКРЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ МИРАХ: КРИТИЧЕСКИ НИЗОК.

АКЦИИ ИЛЛЮЗИИ КОНТРОЛЯ: ПАДЕНИЕ НА 40 ПУНКТОВ.

— Эй! — закричал Игорь сквозь ветер. — Куда мы едем?!

— На Станцию Бета-семь!

— Зачем?!

— Там кофе лучше!

— Это причина?!

— В некоторых мирах — религия!

Остальные байкеры захохотали.

Один поравнялся с ними и показал табличку:

СОБЛЮДАЙ СКОРОСТЬ СВЕТА.

ШТРАФ В ФОТОНАХ.

Игорь зажмурился.

— У вас тут вообще есть правила дорожного движения?!

— Конечно.

— Какие?!

— Не падать.

— Великолепно. Краткость — сестра катастрофы.

Один из байкеров подкинул в воздух светящийся куб. Куб

раскрылся картой, на которой дороги бегали сами по себе, спорили друг с другом и время от времени меняли направление из принципа.

Другой пил что-то из кружки, не снижая скорости. Жидкость держалась внутри исключительно из уважения к местным законам.

Внизу чёрная пустыня вдруг свернулась, как старая карта, и обнажила бездонный провал, заполненный фиолетовым газом.

Игорь прижался к Лил крепче.

— Я начинаю понимать, почему люди выбирают метро.

— Метро не возит к новым судьбам.

— Зато там можно стоять.

— Скучно.

Впереди из темноты возникло тёплое пятно света.

Сначала крыша. Потом платформа. Потом зарядные стойки. Потом неоновые вывески.

Станция висела посреди пустоты — похожая на придорожную заправку из старых фильмов, которая однажды решила, что земных трасс ей мало, и открыла филиал между вселенными.

Над входом мигало:

КОФЕ ДЛЯ ТЕХ, КТО ЕЩЁ СУЩЕСТВУЕТ.

Чуть ниже:

ПОНЧИКИ С ПРЕДСКАЗАНИЯМИ.

АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ ОТВЕЧАЕТ ЗА СБЫВШЕЕСЯ.

Лил ловко завела байк в зарядный слот.

Двигатель затих с довольным рыком.

Игорь слез не сразу.

Сначала убедился, что ноги на месте. Потом — что они согласны работать.

— Ну как? — спросила Лил, снимая шлем.

Короткие тёмно-рыжие волосы рассыпались по плечам. На шее у неё светилась тонкая татуировка — спиральная галактика, будто нарисованная не чернилами, а самой ночью.

Игорь невольно задержал взгляд.

Татуировка чуть дрогнула.

— Она живая?

— Иногда умнее меня.

— Сочувствую ей.

Лил прищурилась.

— Быстро учишься.

— За последние полчаса у меня резко расширилась учебная программа.

Они прошли под навес станции.

Внутри было тепло.

Не по домашнему. А так, как бывает в дороге, когда попадаешь в странное место, где никто не спрашивает, почему ты промок, устал и выглядишь так, будто твоя реальность только что закончилась.

За стойкой стоял бариста с шестью руками и головой в виде старого телевизора. На экране шли помехи, но какие-то

доброжелательные.

— Два кофе, — сказала Лил. — Один обычный. Один для новичка.

На экране бариста появился вопросительный знак.

— Что значит “для новичка”? — насторожился Игорь.

— Слабый, — сказала Лил. — Чтобы у тебя не начались воспоминания из будущего.

— У вас кофе может вызвать воспоминания из будущего?

— Только крепкий.

— Тогда слабый. Очень слабый. Можно просто горячую воду с намёком на смысл.

Бариста кивнул всеми шестью руками и принялся готовить напитки.

Они сели на открытой веранде станции.

Под ними медленно плыли магистрали. Одни уходили вверх, другие вниз, третьи прямо сквозь звёзды. Каждая дорога куда-то звала. Не обещала. Не уговаривала. Просто ждала, хватит ли у тебя наглости сделать шаг.

Над головой вращались три луны и одна рекламная вывеска:

ЖИВИ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

ПОДРОБНОСТИ — В СЛЕДУЮЩЕЙ ВСЕЛЕННОЙ.

Игорь сделал глоток кофе.

Напиток оказался тёплым, горьким и удивительно настоящим. На секунду ему показалось, что он снова стоит у ок-

на своей кухне, только город за стеклом больше не давит, а ждёт.

— Ну? — спросила Лил.

— Странно.

— Хорошо странно или плохо странно?

— Пока не решил.

— Значит, работает.

Игорь поставил чашку.

— Значит, я провалился сюда случайно? Пол треснул, зеркало засосало, ведьма подобрала... обычный вторник.

Лил рассмеялась.

— В Мультиверсе случайностей не бывает, философ.

— Конечно. Я так и думал. Всегда хотел, чтобы кто-нибудь объяснил мне мою жизнь фразой из дешёвого гороскопа.

Лил не обиделась.

Она посмотрела на него внимательнее. Уже без прежней насмешки.

— Каждый, кто падает сквозь зеркало, ищет не новое отражение.

— А что?

— Выход.

Игорь хотел ответить шуткой.

Но шутка не пришла.

— Выход из чего?

— Из жизни, в которой ты слишком долго делал вид, что

всё нормально.

Ветер прошёл над крышей станции.

Где-то внизу хOVERбайки тихо щёлкали остывающими двигателями.

Игорь смотрел в чашку. Пена на поверхности складывалась в маленькую спираль.

— А если я не искал выход?

— Искал.

— Откуда ты знаешь?

— Ты спорил с реальностью даже когда падал.

— Это профессиональное.

— Нет, — сказала Лил мягче. — Это живое.

Слова попали слишком точно.

Туда, где под рёбрами давно ныла пустота, которую Игорь называл усталостью, возрастом, здравым смыслом, чем угодно — только не правдой.

На станции шумели курьеры. Кто-то смеялся у стойки. Кто-то ругался с навигатором. Один байкер пытался оплатить кофе монетой, которая всё время возвращалась в его карман, потому что “не верила в капитализм”.

Мир вокруг продолжал жить.

А Игорь вдруг почувствовал, что сидит не в фантастическом кафе, а на краю вопроса, от которого бежал много лет.

— И куда дальше? — спросил он.

Лил достала из кармана маленькую чёрную фигурку и поставила на стол.

Фигурка была похожа на шахматного коня, но если смотреть сбоку — на ключ. А если смотреть слишком долго — на вопрос, который не хочется задавать.

— Дальше — Турнир.

— Турнир чего?

— Миров.

— Звучит скромно.

— Мы не любим мелочиться.

— И что там делают?

— Играют.

— Во что?

— В Гамбит.

Игорь прищурился.

— Шахматы?

— Хуже.

— Почему всё у тебя либо опасно, либо хуже?

— Потому что я честная.

Она провела пальцем по фигурке. Над столом возникла голограмма: дороги свернулись, показывая огромную арену где-то в центре светящейся паутины.

— Межреальностный Гамбит. Победитель получает право выбрать новую версию своей судьбы.

Игорь замер.

— То есть... можно выбрать жизнь, где всё получилось?

— Можно.

— Где я не ошибался?

— Нет.

— Почему?

— Потому что жизнь без ошибок — это музей. Там чисто, красиво и никто не дышит.

Игорь медленно кивнул.

— А проигравший?

Лил посмотрела на дороги.

— Возвращается туда, откуда сбежал.

— Я не сбегал.

— Тогда туда, откуда выпал.

— И всё?

Она повернулась к нему.

— Нет. Он помнит, что мог выбрать.

Слова легли между ними тихо.

Но тяжело.

Игорь ясно представил свою кухню. Чайник. Книги. Окно. Мокрый город. Следующую пару. Тот же журнал. Ту же шутку. Ту же усталость под рёбрами.

Только теперь он будет знать, что однажды видел дорогу.

И не пошёл.

— Жестоко, — сказал он.

— Честно.

— Часто путаете эти слова?

— Только с новичками.

На выходе со станции висела табличка:

ПРОБУЖДЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

ОНО ПРОСТО СЛУЧАЕТСЯ,

КОГДА ПЕРЕСТАЁШЬ ДЕЛАТЬ ВИД, ЧТО СПИШЬ.

Игорь прочитал.

Потом усмехнулся.

— У вас тут любят пафосные таблички.

Лил уже надевала шлем.

— Это не пафос.

— А что?

— Инструкция по эксплуатации души.

— Очень смешно.

— Я старалась.

Они подошли к байку.

Дорога впереди светилась. Теперь она казалась не просто трассой, а приглашением.

Игорь сел позади Лил.

На этот раз уже без просьбы ухватился за неё.

Лил заметила, но ничего не сказала.

— Готов? — спросила она.

Игорь посмотрел на станцию, пустоту, дороги, три луны и мир, который окончательно перестал быть объяснимым.

Потом сказал:

— Нет.

Лил улыбнулась.

— Отлично. Значит, по-настоящему.

Байк взревел.

Станция Бета-семь осталась позади — тёплым пятном света среди невозможной ночи.

А впереди открывалась дорога к Турниру миров.

И впервые за много лет Игорь поймал себя на странной мысли:

он не хочет обратно.

Пока не хочет.

А это уже было опасно.

ГЛАВА 2. Гамбит пятидесятого уровня

Дорога к Турниру миров оказалась не дорогой.

Скорее — наглой попыткой пространства доказать, что геометрия слишком долго была переоценена.

Светящаяся магистраль уходила вверх, потом резко сворачивала вбок, потом делала петлю вокруг огромного прозрачного шара, внутри которого медленно вращался город, построенный вверх ногами. Потом шоссе раздваивалось, утраивалось, обиженно собиралось обратно и, наконец, выныривало к сияющему кольцу, висевшему посреди пустоты.

Игорь сидел позади Лил, держался за неё обеими руками и старался выглядеть человеком, который полностью контролирует ситуацию.

Получалось плохо.

— У вас тут дороги проектируют те же люди, что составляли расписание в моём университете? — крикнул он сквозь ветер.

— Нет, — ответила Лил. — У нас проектировщики хотя бы признают, что всё хаотично.

— Очень утешительно.

— Ты просто ещё не привык.

— Я вообще-то не планировал привыкать к тому, что до-

рога делает вид, будто она спагетти.

Лил рассмеялась.

Ховербайк пронзил последнее облако фиолетового тумана, и перед ними открылась Арена.

Игорь даже забыл испугаться.

Она висела в центре пространства, как город, храм, стадион и безумная мысль архитектора, которому однажды дали слишком большой бюджет. Огромные кольца вращались вокруг центральной платформы. Между ними вспыхивали мосты, лестницы, порталы, балконы, зрительские ярусы и непонятные конструкции, похожие на трибуны для существ, у которых не было ни ног, ни понятия о личном пространстве.

Над главным входом горела надпись:

АРЕНА МИРОВ.

**ВХОД ДЛЯ УЧАСТНИКОВ, НАБЛЮДАТЕЛЕЙ И ТЕХ,
КТО УВЕРЕН, ЧТО СЛУЧАЙНО.**

Чуть ниже, мелким шрифтом:

**АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ НЕСЁТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРОСВЕТЛЕНИЕ, ПАНИКУ, ВНЕЗАПНУЮ ЧЕСТНОСТЬ
И ПОТЕРЮ ПРЕЖНЕЙ ЛИЧНОСТИ.**

Игорь прочитал.

Потом перечитал.

— Мне уже не нравится мелкий шрифт.

— Мелкий шрифт почти всегда честнее крупного, — сказала Лил, плавно заводя байк в посадочный коридор.

— Вот поэтому я никогда не читал пользовательские со-

глашения.

— И поэтому оказался здесь.

— Это была причинно-следственная связь?

— В Мультиверсе почти всё причинно-следственная связь. Просто иногда причина стесняется называться причиной.

Байк мягко опустился на платформу.

Игорь слез осторожно. Сначала поставил одну ногу. Подождал. Платформа не исчезла, не провалилась и не начала обсуждать с ним смысл бытия.

Он поставил вторую.

— Уже прогресс, — заметила Лил.

— Что именно?

— Ты проверяешь реальность ногами, а не теориями.

— Ноги пока вызывают больше доверия.

Они пошли к воротам.

Ворота были массивные, чёрные, высеченные будто из ночи. По бокам стояли две колонны, на которых медленно текли светящиеся символы. Игорь присмотрелся и понял, что символы складываются в лозунги.

ВСЕ МИРЫ РАВНЫ.

НО НЕКОТОРЫЕ РАВНЕЕ.

— Ну конечно, — сказал Игорь. — Даже у бесконечности есть вип-зона.

— Есть, — кивнула Лил. — Но там скучно. Слишком много существ, которые уже всё поняли.

— Разве это плохо?

— Очень. С ними невозможно нормально пить кофе.

Перед входом стояла рамка безопасности.

Игорь сразу почувствовал к ней недоверие. Внешне она напоминала обычный металлоискатель из аэропорта, только собранный человеком, который видел аэропорт во сне и потом решил добавить туда немного мистического унижения.

— Это что? — спросил он.

— Проверка.

— На оружие?

— Глубже.

— На наркотики?

— Ещё глубже.

— На просроченные философские взгляды?

— Почти.

Лил подтолкнула его вперёд.

— Проходи.

— А если я не хочу?

— Тогда рамка решит, что тебе есть что скрывать.

— Мне есть что скрывать.

— Всем есть что скрывать. Поэтому рамка и работает без выходных.

Игорь вошёл.

Рамка на секунду замолчала.

Потом издала долгий, разочарованный писк.

Над ней вспыхнуло табло:

СУБЪЕКТ: ИГОРЬ АНДРЕЕВИЧ.

ВИД: ЧЕЛОВЕК РАЗМЫШЛЯЮЩИЙ, ПЕРИОДИЧЕСКИ.

УРОВЕНЬ ОСОЗНАННОСТИ: 0.43.

ПРИМЕЧАНИЕ: КРИТИЧЕСКИЙ ДЕФИЦИТ ПРИСУТСТВИЯ В МОМЕНТЕ.

КОМПЕНСИРУЕТ САРКАЗМОМ.

Игорь поднял глаза.

— Про “периодически” было обидно.

— Зато честно, — сказала Лил.

— Я начинаю ненавидеть это слово.

Следом через рамку прошла она.

Рамка взвыла.

Красные огни замигали так ярко, что несколько существ в очереди уважительно отступили на шаг.

Табло зашипело и выдало:

СУБЪЕКТ: ЛИЛ.

СТАТУС: НЕЖЕЛАТЕЛЬНО КЛАССИФИЦИРОВАТЬ.

УРОВЕНЬ ОСОЗНАННОСТИ: ∞ .

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ОПАСНОЕ ПРЕВЫШЕНИЕ НОРМЫ.

РИСК ЗАРАЖЕНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ СВОБОДОЙ.

Игорь посмотрел на неё.

— Риск заражения свободой?

Лил пожала плечами.

— Случалось.

— И что, лечится?

— Обычно ипотекой, страхом и хорошей должностью.

— Звучит знакомо.

— Вот именно.

Они вошли внутрь.

Игоря сразу накрыло шумом.

Это был не просто гул толпы. Это был звук миллионов решений, которые кто-то когда-то принял, не принял, отложил, испугался принять или гордо назвал “разумным компромиссом”. Арена жила. Она дышала. Свет двигался по её стенам, как кровь по сосудам. Где-то внизу вспыхивали платформы. Где-то спорили миры. Где-то раздавался смех, аплодисменты, плач, музыка и короткие сигналы тревоги, которые здесь, судя по всему, считались нормальным сопровождением культурной программы.

— Это и есть Турнир? — спросил Игорь.

— Это только внешний круг.

— Есть внутренний?

— Есть.

— А есть место, где можно просто посидеть и не участвовать?

— Есть.

— Отлично.

— Оно называется “прошлая жизнь”.

Игорь замолчал.

Лил тоже не стала добивать. Только чуть мягче посмотре-

ла на него и указала вниз.

В центре Арены светилась главная платформа. Она была похожа на шахматную доску, но клетки на ней не были чёрными и белыми. Одни мерцали воспоминаниями. Другие дышали туманом. Третьи отражали лица тех, кто смотрел на них слишком долго.

— Вот она, — сказала Лил. — Главная арена. Турнир “Гамбит по мультиверсу”.

Игорь прищурился.

— Шахматы?

— Хуже.

— Почему у тебя всё хуже?

— Потому что я честная.

— Уже говорил: начинаю ненавидеть это слово.

— Привыкнешь.

Они подошли к регистрационной стойке.

За ней сидел кибер-писарь. Вернее, не совсем сидел. Он был собран из старой печатной машинки, папок-скоросшивателей, ржавых рычагов, печатей, перфокарт и выражения лица районного чиновника, которому уже триста лет задают одни и те же вопросы.

— Фамилия, имя, раса, сектор исхода, причина участия, степень внутреннего отрицания, — проскрипел он.

— Игорь Андреевич, человек, Земля, Москва, причина мне неизвестна, степень отрицания максимальная.

Кибер-писарь щёлкнул.

— Прекрасно. Стандартный участник.

— Что значит стандартный?

— Все говорят, что не знают, зачем они здесь.

— А на самом деле?

— На самом деле знают. Просто надеются, что кто-нибудь другой скажет это вслух.

Лил довольно улыбнулась.

— Мне нравится этот тип.

— Конечно, нравится, — буркнул Игорь. — Он такой же неприятно точный, как ты.

Писарь протянул металлический палец к экрану.

Над стойкой вспыхнула карточка:

УЧАСТНИК: ИГОРЬ АНДРЕЕВИЧ.

КАТЕГОРИЯ: ИРОНИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА.

СЛАБОЕ МЕСТО: НЕПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАЩИТНАЯ РЕАКЦИЯ: УМНИЧАНИЕ.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ДАВАТЬ МИКРОФОН БЕЗ НЕОБХОДИМОСТИ.

— Это клевета, — сказал Игорь.

— Это регистрация, — ответил писарь.

— У вас тонкая грань.

— У нас вообще много тонких граней. На них всё и держится.

Экран мигнул ещё раз.

ОППОНЕНТ ОПРЕДЕЛЁН.

Игорь напрягся.

— Оппонент?

— Конечно, — сказала Лил. — Ты же не думал, что Турнир миров — это экскурсия?

— Я надеялся, что это хотя бы будет похоже на экскурсию.

— Будет. Только с риском психологического разоблачения.

На экране появилась холодная, идеально симметричная эмблема.

ВАШ СОПЕРНИК: НЕЙРОСЕТЬ XXIII ВЕКА.

ОБУЧЕНА НА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, НЕЗАКРЫТЫХ ГЕШТАЛЬТАХ, ДНЕВНИКАХ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ФОРУМАХ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ И СТАТУСАХ “Я ПРОСТО УСТАЛ”.

Игорь медленно повернулся к Лил.

— Нет.

— Что “нет”?

— Просто нет.

— Сильный ход. Но не засчитают.

— Лил, эта штука обучена на русской литературе. Ты понимаешь масштаб бедствия? Она знает тоску лучше меня. Она читала Достоевского без перерывов на чай.

— Значит, будет интереснее.

— Для кого?

— Для меня точно.

— Ты вообще меня спасти собиралась или привезла как развлекательную программу?

Лил посмотрела на него. И вдруг в её лице что-то стало тише.

— Игорь, если бы я хотела развлечения, я бы оставила тебя падать. Ты там очень выразительно кричал.

— Спасибо за отзыв.

— Я привезла тебя сюда, потому что первый ход нельзя сделать за человека. Его можно только довести до доски.

Это прозвучало так просто, что Игорю стало неудобно.

Он хотел пошутить.

Шутка не пришла сразу.

И это уже было тревожно.

Их провели на платформу.

В центре стоял прозрачный стол. Он был сделан из материала, похожего на лёд, который никогда не тает, потому что слишком хорошо о себе думает. На другой стороне не было кресла. Там висел холодный светящийся сгусток, внутри которого бегали миллионы символов.

Голос нейросети прозвучал без эмоций, но с такой точной вежливостью, что Игорь сразу почувствовал себя неправым.

— Приветствую, субъект Игорь. Анализ первичного профиля завершён. Вероятность победы: статистически незначима. Вероятность самооправдания: высокая. Вероятность саркастической реплики в первые десять секунд: девяносто семь процентов.

Игорь сел.

— А хамство у вас отдельным модулем идёт или в базовой

комплектации?

— Саркастическая реплика зафиксирована. Прогноз подтверждён.

Лил за его спиной тихо фыркнула.

— Уже проигрываю, да? — спросил Игорь.

— Пока просто оправдываешь ожидания, — сказала она. На столе начали проступать фигуры.

Но это были не шахматы.

Игорь увидел тяжёлую серую фигуру с надписью СТРАХ УПУЩЕННОГО ВРЕМЕНИ. Рядом стояло острое, колючее СОМНЕНИЕ. Чуть в стороне — маленький чёрный силуэт САРКАЗМА, который выглядел так, будто даже сам собой был недоволен. Ближе к краю светилась тёплая фигурка ВЕЧЕРНИЙ КОФЕ КАК ПОПЫТКА НЕ РАЗВАЛИТЬСЯ.

— Это мои фигуры? — спросил Игорь.

— Да, — ответила Лил.

— У меня очень жалкая армия.

— Зато честная.

— Опять это слово.

На стороне нейросети возникли другие фигуры: ИДЕАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, СРАВНЕНИЕ С ВЕЛИКИМИ, ВИНА ЗА НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, СТРАХ БЫТЬ ОБЫЧНЫМ и высокая прозрачная башня с надписью А ЧТО, ЕСЛИ УЖЕ ПОЗДНО?

Игорь посмотрел на последнюю.

И внутри стало холодно.

Не смешно.

Не философски.

Просто холодно.

Нейросеть заговорила:

— Первый ход. Фигура: вина за нереализованный потенциал.

Серая фигура двинулась вперёд.

Игорь вдруг увидел себя за письменным столом. Не здесь, не на арене, а дома. Ночью. Перед раскрытым документом, в котором было три абзаца будущей статьи и сорок минут ненависти к себе. Потом другая картинка: он отказывается от поездки, потому что “не время”. Потом ещё одна: он не звонит человеку, с которым хотел поговорить. Потом ещё: стоит у окна и думает, что жизнь когда-нибудь начнётся, но не сегодня.

Сердце стукнуло глухо.

Рука сама потянулась к фигуре САРКАЗМ.

Привычный ход.

Надёжный.

Проверенный.

Сказать что-нибудь умное, смешное, кривое. Спрятаться за фразой. Сделать вид, что если ты посмеялся над болью, значит, она уже не имеет власти.

— Не трогай, — тихо сказала Лил.

Игорь застыл.

— Что?

Она наклонилась ближе.

— Не делай привычный ход.

— У меня других нет.

— Есть.

— Где?

— Под страхом.

Он медленно убрал руку.

Нейросеть замерла.

— Отклонение от прогнозируемого поведения. Рекомендуются вернуться к защитной иронии. Она обеспечивает субъекту иллюзию контроля.

— Даже она это знает, — прошептал Игорь.

— Конечно знает, — сказала Лил. — Она же обучена на людях, которые всю жизнь называли броню характером.

Игорь посмотрел на свои фигуры.

Страх.

Сомнение.

Сарказм.

Кофе.

И где-то между ними, почти незаметно, стояла маленькая прозрачная фигурка. Такая маленькая, что он сначала принял её за блик на столе.

На ней было написано:

ЧЕСТНОСТЬ.

— А это откуда? — спросил он.

Лил улыбнулась.

— Была всегда. Просто ты редко ею ходил.

— Она выглядит слабой.

— Потому что ты на неё давно не смотрел.

Нейросеть сделала второй ход.

СРАВНЕНИЕ С ВЕЛИКИМИ двинулось вперёд.

На стенах Арены вспыхнули лица философов, писателей, мыслителей, чьи книги Игорь когда-то носил в сумке как пропуск в большую жизнь. Они смотрели на него молча. Не осуждали. И от этого было ещё хуже.

— Субъект Игорь, — произнесла нейросеть, — вы потратили годы на изучение чужих мыслей, не создав собственной формы. Желаете оправдаться?

Игорь открыл рот.

И закрыл.

В обычной жизни он бы ответил. Про исторический контекст. Про академическую среду. Про отсутствие времени. Про необходимость зарабатывать. Про то, что не всем дано быть гениями, но каждый может служить знанию.

Хорошая речь.

Умная.

Почти правдивая.

Он посмотрел на фигурку ЧЕСТНОСТЬ.

Пальцы дрожали.

— Нет, — сказал он.

Нейросеть замерла.

— Уточните.

Игорь сглотнул.

— Не желаю оправдываться.

На трибунах стало тише.

— Принято, — сказала нейросеть. — Тогда зафиксируем: субъект признаёт поражение?

Игорь вдруг устало усмехнулся.

Не саркастически.

По-человечески.

— Нет. Субъект признаёт, что устал делать вид, будто у него всё под контролем.

Фигурка ЧЕСТНОСТЬ сама двинулась вперёд.

Стол вспыхнул тёплым светом.

Нейросеть отступила на долю секунды. Если у светящегося сгустка может быть выражение лица, то сейчас оно было похоже на лёгкое недоумение.

— Ход не классифицирован. Отсутствует защитная конструкция. Отсутствует демонстрация превосходства. Отсутствует попытка переложить ответственность. Повторите ход в понятной форме.

— Не могу, — сказал Игорь. — Я сам не понял.

Лил тихо рассмеялась.

— Вот теперь хорошо.

Нейросеть усилила свечение.

— Третий ход. Фигура: страх быть обычным.

Высокая башня на её стороне шагнула вперёд.

Игорь почувствовал, как где-то внутри поднимается ста-

рая, липкая тоска. Быть никем. Прожить обычную жизнь. Не оставить следа. Не стать великим. Не доказать. Не взлететь. Не написать. Не успеть. Не оправдать собственные фантазии о себе.

Ему стало трудно дышать.

— Лил, — тихо сказал он. — А если я правда обычный?

— И что?

Он резко повернул голову.

— В смысле “и что”?

— Ну обычный. Живой. Смешной. Упрямый. Испуганный. Иногда добрый. Иногда занудный. Иногда почти мудрый, когда молчишь.

— Спасибо, особенно за последнее.

— Пожалуйста.

— А если этого мало?

Лил посмотрела на него очень спокойно.

— Мало для кого?

Вопрос ударил сильнее любой фигуры.

Игорь снова посмотрел на стол.

На свою маленькую честность.

На сарказм, который уже не казался оружием, а скорее старым зонтом, с которым он ходил даже в ясную погоду.

На страх, который оказался не чудовищем, а усталым сторожем у двери, за которой давно никто не жил.

И вдруг Игорь сделал странную вещь.

Он взял фигуру ВЕЧЕРНИЙ КОФЕ КАК ПОПЫТКА НЕ

РАЗВАЛИТЬСЯ и поставил её рядом с ЧЕСТНОСТЬЮ.

— Я хожу кофе, — сказал он.

На арене повисла пауза.

Нейросеть молчала.

Писарь у края платформы наклонился к протоколу.

— Уточните тип хода.

— Не уточню, — сказал Игорь. — Это мой ход. Кофе.

— Стратегическое значение? — спросила нейросеть.

Игорь пожал плечами.

— Иногда человек не становится великим. Иногда он просто вечером пьёт кофе и ещё один день не сдаётся. И знаете что? Для некоторых дней это уже победа.

Стол вспыхнул.

Фигура СТРАХ БЫТЬ ОБЫЧНЫМ на стороне нейросети дала трещину.

Сначала маленькую.

Потом ещё одну.

Потом осыпалась стеклянной пылью.

Трибуны ахнули.

Лил положила ладонь ему на плечо.

— Вот это был ход, философ.

Игорь сам не верил, что сказал это вслух.

— Я выиграл?

— Нет, — ответила нейросеть. — Система пересчитывает унижение.

— Великолепно. Даже победа тут бюрократическая.

Нейросеть загудела.

Символы внутри неё закрутились быстрее.

— Финальный анализ. Субъект не использует заявленный основной инструмент — сарказм. Субъект не защищается интеллектуальным превосходством. Субъект признаёт слабость без самоуничтожения. Субъект применяет бытовую нежность как контрмеру против экзистенциального давления.

— Бытовую нежность? — переспросил Игорь.

Лил прыснула.

— Поздравляю. Твой кофе только что вошёл в историю.

Нейросеть мигнула.

— Ошибка классификации. Ход “кофе” несовместим с трагической моделью личности. Расчёт дальнейшей партии невозможен.

Фигура ВИНА ЗА НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ потускнела.

ИДЕАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ рассыпался на формулы.

А ЧТО, ЕСЛИ УЖЕ ПОЗДНО? треснула сверху донизу, и изнутри вдруг пробился тёплый золотой свет.

Нейросеть произнесла:

— Партия завершена. Победитель: субъект Игорь. Причина: отказ участвовать в предложенной трагедии.

Игорь сидел неподвижно.

— Подождите. Я что, победил сверхразум будущего чашкой кофе?

— Не чашкой, — сказала Лил. — Тем, что перестал презирать свою человеческую простоту.

— Это звучит слишком красиво. Можно версию для преподавателя после четырёх пар?

— Ты перестал строить из себя памятник и вспомнил, что ты живой.

Игорь медленно выдохнул.

Арена вокруг взорвалась шумом.

Кто-то аплодировал. Кто-то свистел. Кто-то требовал пересмотра правил. На одном из верхних ярусов сущность в деловом костюме плакала над блокнотом и повторяла: “Бытовая нежность... почему я сам не додумался?”

Кибер-писарь подошёл к столу и протянул Игорю тонкую голографическую карточку.

— Первый ход Гамбита засчитан.

— Первый? — Игорь поднял глаза. — В смысле первый? Лил уже улыбалась.

— А ты думал, вся книга закончится на второй главе?

— Я надеялся.

— Надежда — нестабильный актив, ты уже видел табло.

На карточке вспыхнула надпись:

ХОД ПЕРВЫЙ: ЧЕЛОВЕК ПРИЗНАЛ, ЧТО ОН НЕ МАШИНА.

СТАТУС: ОПАСНО ПЕРСПЕКТИВЕН.

Игорь прочитал.

Потом тихо усмехнулся.

— Звучит как диагноз.

— В Мультиверсе лучшие диагнозы открывают двери.

Они вышли с платформы через Коридор Победителей.

Коридор был неожиданно коротким и тёплым. На стенах горели фразы, но Игорь уже не пытался читать всё подряд. Ему впервые за долгое время было достаточно просто идти.

У самой двери вспыхнула последняя надпись:

ПОБЕДИТЕЛЬ НЕ ТОТ, КТО ДОКАЗАЛ, ЧТО ОН СИЛЬНЕЕ.

ПОБЕДИТЕЛЬ ТОТ, КТО ПЕРЕСТАЛ ВРАТЬ, ЧТО ЕМУ НЕ СТРАШНО.

Игорь остановился.

— У вас тут всё-таки любят пафос.

Лил открыла дверь.

За ней уже светилась новая дорога.

— Это не пафос.

— Инструкция по эксплуатации души?

— Нет, — сказала она и надела шлем. — На этот раз просто правда.

Игорь посмотрел назад.

На Арену.

На стол.

На место, где только что его страхи стояли фигурами и делали вид, что имеют право командовать его жизнью.

Потом посмотрел вперёд.

Ховербайк ждал.

Дорога загоралась под колёсами.

— И куда теперь? — спросил он.

Лил перекинула ногу через сиденье.

— На межмировое шоссе. Тебе нужно смыть с души остатки профессорской пыли.

— Это метафора?

— Не совсем.

— Почему я спросил...

Он сел позади неё.

На этот раз держался уже увереннее.

Не спокойно.

Но честнее.

Лил завела двигатель. На её шлеме вспыхнула новая надпись:

ПЕРВЫЙ ХОД СДЕЛАН.

НЕ РАССЛАБЛЯТЬСЯ. СМЫСЛЫ СКОЛЬЗКИЕ.

Игорь прочитал и вздохнул.

— Я начинаю подозревать, что обратно меня уже не отпустят.

Лил улыбнулась, не оборачиваясь.

— Тебя никто не держит, философ.

— Это почему-то звучит хуже, чем если бы держали.

— Потому что свобода всегда страшнее тюрьмы.

Байк сорвался с места.

Арена Миров осталась позади, шумная, сияющая, невозможная.

А впереди раскрывалась новая магистраль, по которой летели чужие судьбы, несбывшиеся обещания, потерянные письма, случайные прозрения и несколько очень подозрительных рекламных вывесок.

Игорь впервые за много лет не знал, что будет дальше.

И, к собственному ужасу, почти не хотел знать заранее.

ГЛАВА 3. Межмировое шоссе и автомойка для душ

Дорога возникла не сразу.

Сначала пространство вокруг хOVERбайка дрогнуло, будто кто-то в невидимой диспетчерской нажал не ту кнопку. Потом воздух пошёл пикселями. Потом под ними на несколько секунд появилась трасса, исчезла, снова появилась, передумала быть трассой, свернулась в сияющую ленту и наконец со звуком натянутой струны легла под колёса.

Игорь посмотрел вниз.

Асфальт был серебристым, живым, исчерченным тонкими неоновыми нитями. Нити пульсировали, двигались, переплетались и время от времени складывались в короткие фразы.

НЕ СМОТРИ ВНИЗ, ЕСЛИ ТЫ ЕЩЁ НЕ ГОТОВ ДОВЕРЯТЬ ВВЕРХ.

— У вас даже дорога занимается психологическим давлением? — спросил Игорь.

— Это не давление, — сказала Лил, прибавляя газу. — Это сервис.

— Я бы оставил жалобу.

— Дорога её прочитает.

— И что сделает?

— Станет длиннее.

Игорь промолчал.

Ховербайк рванул вперёд.

Межмировое шоссе раскрылось перед ними во всю невозможную ширину. Оно не лежало в пространстве — оно само решало, где пространству сегодня быть. Одни полосы уходили вверх, другие ныряли в прозрачные тоннели, третьи внезапно исчезали и появлялись уже в другом горизонте. По соседним потокам неслись странные машины: капсулы из света, колесницы без колёс, грузовики с контейнерами снов, один потрёпанный автобус с табличкой “ЭКСКУРСИЯ ДЛЯ ТЕХ, КТО СЛИШКОМ ДОЛГО ДУМАЛ”.

— Добро пожаловать на Межмировое шоссе, — сказала Лил. — Здесь скорость регулируется не знаками, а уровнем внутренней честности.

— То есть если я совру?

— Тебя занесёт.

— А если сильно совру?

— Вернёт в прежнюю жизнь с чувством, что ты сам так выбрал.

Игорь поёжился.

— Это жестоко.

— Это эффективно.

— Я заметил, у вас тут всё эффективное почему-то травмирует.

— Только тех, кто сопротивляется.

— Отлично. Я как раз сопротивляюсь профессионально.
Лил рассмеялась.

Ветер бил в лицо, но теперь он был другим. Не как на обычной скорости, когда воздух просто давит и свистит. Этот ветер будто проходил сквозь мысли. Он выдувал из головы тяжёлую пыль: обиды, старые оправдания, чужие мнения, внутренние доклады перед воображаемой комиссией.

Игорь почувствовал, как изнутри поднимается странная лёгкость.

Не радость.

Пока нет.

Скорее ощущение, что кто-то открыл окно в комнате, где он десять лет не замечал духоты.

По обе стороны от трассы проносились миры.

Один был построен из серых башен, стеклянных переходов и одинаковых офисов. Люди в одинаковых костюмах двигались по прозрачным коридорам, сверяясь с часами. У каждого на груди висел маленький экран с надписью: “Я ПОЧТИ ДОСТИГ”.

— Что это? — спросил Игорь.

— Мир отложенной жизни, — ответила Лил. — Там все готовятся начать жить после следующего повышения.

— И начинают?

— Нет. После повышения появляется следующее.

Игорь посмотрел на башни и неожиданно отвёл взгляд.

Следующий мир был яркий до боли. Пляжи, пальмы,

улыбки, идеальные тела, идеальные закаты, идеальные рекламные ролики. Над всем этим висел огромный лозунг:

БУДЬ СОБОЙ.

В РАМКАХ УТВЕРЖДЁННОГО БРЕНДБУКА.

— А это?

— Мир принудительного счастья. Там за грусть штрафуют.

— Серьёзно?

— Первый раз предупреждение. Второй раз курс позитивного мышления. Третий раз — должность мотивационного спикера.

— Варвары.

— Я же говорила: некоторые цивилизации улыбаются опаснее, чем воюют.

Шоссе плавно свернуло. Впереди вспыхнули дорожные знаки, сотканые из плотного света:

ДО МИРА МЕЧТЫ: 3 000 000 СВЕТОВЫХ ЛЕТ.

ДО МИРА РАЗОЧАРОВАНИЯ: 2 МИНУТЫ ПРЯМО.

СТАНЦИЯ “АВТОМОЙКА ДЛЯ ДУШ”: 0.5 ПАРСЕКА.

ОСТОРОЖНО: СКОЛЬЗКИЕ СМЫСЛЫ.

Лил резко перестроилась вправо.

— Заедем.

— В автомойку?

— Для душ.

— Я надеялся, что это метафора.

— В Мультиверсе метафоры обычно имеют лицензию на

физическое воздействие.

— Прекрасно. Мою душу сейчас будут мыть?

— Лёгкая очистка. После турнира ты весь в подпалинах.

Игорь посмотрел на свои руки.

— Я нормально выгляжу.

— Снаружи да.

— Спасибо, очень поддержала.

— Всегда пожалуйста.

Станция появилась из тумана неожиданно.

Она не походила на автомойку. Скорее на храм, который решил работать в сфере бытовых услуг. Огромная мраморная чаша парила над пустотой, окружённая мягким розово-золотым свечением. Вокруг неё медленно двигались потоки светящегося тумана. На платформе стояли прозрачные сущности без лиц, но с такой спокойной осанкой, что Игорь сразу почувствовал себя человеком, который пришёл на приём без записи.

Над въездом горела надпись:

ОЧИЩЕНИЕ НЕ ВОЗВРАЩАЕТ ПРОШЛОЕ.

ОНО ОСВОБОЖДАЕТ МЕСТО ДЛЯ БУДУЩЕГО.

Под ней, мелко:

СИЛЬНО ЗАПУЩЕННЫЕ СЛУЧАИ ОБСЛУЖИВАЮТСЯ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СОГЛАСИЮ ДУШИ.

Игорь ткнул пальцем в мелкий шрифт.

— Скажи честно. Я сильно запущенный случай?

Лил сняла шлем и задумчиво посмотрела на него.

— Ты скорее случай с хорошим потенциалом и ужасным обслуживанием.

— Чьим обслуживанием?

— Твоим собственным.

— Обидно, но технически возможно.

Они припарковались у мраморного парапета.

К ним приблизился смотритель станции. Он был соткан из света и тишины. Лица у него не было, но Игорю всё равно показалось, что на него смотрят с вежливым сочувствием врача, который уже видел анализы.

Голос прозвучал прямо в голове:

— Транзитный субъект. Углеродная форма. Наслоения чужих ожиданий. Три слоя социальной мимикрии. Две старые обиды, выдаваемые за принципы. Хроническая усталость от собственной роли. Требуется бережная смысловая фильтрация.

Игорь моргнул.

— Простите, вы сейчас меня оскорбили или диагностировали?

— Да, — ответил смотритель.

Лил прикрыла улыбку ладонью.

— Без радикальных процедур, — сказала она. — Он мне нужен живой, разговорчивый и желательно с остатками самоиронии.

— Самоирония обнаружена, — сообщил смотритель. — Используется как защитный лак. Местами потрескалась.

— Да что у вас тут все такие точные? — возмутился Игорь.

— Добро пожаловать в сервис честного обслуживания, — сказала Лил.

Смотритель указал на чашу.

— Субъекту необходимо войти в туман.

— А если субъект против?

— Субъект может остаться грязным.

Игорь посмотрел на Лил.

— Он манипулирует.

— Он обслуживает.

— В вашем мире это синонимы?

— Не всегда. Но часто.

Туман в чаше оказался тёплым.

Игорь спустился внутрь, ожидая чего угодно: боли, света, грома, голоса предков, счета за процедуру. Но сначала ничего не произошло. Просто вокруг стало тихо. Очень тихо. Так тихо, что он услышал собственное дыхание.

Потом в тумане начали появляться сферы.

Мыльные пузыри из памяти.

Внутри первой — он, двадцатилетний, стоит под дождём у подъезда. Рядом девушка с мокрыми волосами улыбается так, будто мир только что стал больше. Игорь вспомнил это мгновенно. Не имя сначала. А запах дождя. Холодные пальцы. Неловкое счастье. Первое “да”, сказанное почти шёпотом.

Во второй сфере — он после проваленного экзамена. Сидит на подоконнике возле закрытой аудитории, бледный, злой, уверенный, что жизнь закончилась. Теперь, спустя годы, он смотрел на этого мальчишку и хотел сказать ему: “Да успокойся ты. Всё ещё будет. И хорошее, и дурацкое. Особенно дурацкое.”

В третьей — московская зима. Серая, мокрая, бесконечная. Он идёт от метро домой, смотрит под ноги и не видит неба. В кармане телефон. В голове усталость. В груди пустое место, которое он тогда называл взрослостью.

Станция заговорила мягко:

— Обнаружены застойные очаги сожалений. Рекомендуются отпустить.

— Всё сразу? — спросил Игорь.

— Возможно.

— А можно не сразу?

— Возможно.

— А можно вообще оставить как есть и сделать вид, что я духовно продвинулся?

— Невозможно.

— Жаль. На Земле работало.

Из тумана вышла Лил. Вернее, не физически вышла — её образ появился рядом, как голограмма, но глаза были настоящие.

— Выбирай малое, — сказала она.

— Что малое?

— То, что ты готов отпустить без героизма.

Игорь посмотрел на сферы.

Героизма не было.

Было странное смущение перед собственной жизнью.

Он увидел пузырь поменьше. Внутри — коллега с кафедры получает грант, который Игорь считал почти своим. Игорь улыбается, жмёт руку, говорит “поздравляю”, а внутри в этот момент маленькая злая часть его души начинает составлять обвинительную речь на пятнадцать лет вперёд.

— Ох, — сказал он.

— Узнал?

— К сожалению.

— Готов?

— Нет.

— Отлично. Значит, честно.

Игорь протянул руку.

Пузырь был прохладный, как стекло.

— Я ведь тогда правда был уверен, что он не заслужил.

— Может быть, — сказала Лил.

— И что я заслужил больше.

— Может быть.

— А теперь?

— А теперь вопрос не в том, кто заслужил. Вопрос в том, сколько лет ты носил это как доказательство собственной обиды.

Игорь помолчал.

— Неприятная у тебя манера говорить правильные вещи.

— Я тренировалась.

Он коснулся пузыря.

Тот лопнул без звука.

Игорь ожидал драматического взрыва. Вместо этого вокруг пахнуло весенним дождём и свежим воздухом после грозы. С плеч словно сняли невидимый воротник. Не весь груз. Только один ремень. Но этого оказалось достаточно, чтобы вдохнуть глубже.

Станция произнесла:

— Первый слой снят. Рекомендация: не возвращать вручную.

— А такое бывает? — спросил Игорь.

Лил посмотрела на него.

— Люди постоянно подбирают обратно то, от чего только что освободились. Из уважения к привычке.

— Звучит оскорбительно знакомо.

Процедура закончилась внезапно.

Туман расступился, и Игорь оказался на краю чаши. Он чувствовал себя не просветлённым, не обновлённым и не великим. Скорее как человек, который впервые за долгое время выкинул из кармана камень и теперь не знает, почему раньше считал его частью одежды.

— Ну как? — спросила Лил.

— Странно.

— Хорошо странно?

— Пока не решил.

— Значит, работает.

— Вы все тут используете одну методичку?

— Нет. Просто правда часто звучит однообразно, пока не привыкнешь.

Они перешли в кафе при станции.

Кафе висело на внешнем кольце мраморной чаши. Столики были сотканы из фиолетового света. Стулья подстраивались под форму усталости посетителя. У Игоря стул сначала стал строгим преподавательским, потом подумал и превратился в мягкое кресло.

— Даже мебель меня раскусила, — сказал он.

— Мебель редко ошибается.

Меню парило над столом:

ЭСПРЕССО ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

КАПУЧИНО ОСОЗНАННОСТИ.

ДВОЙНОЙ ЛАТТЕ КАРМЫ.

ЧАЙ “ПОЧЕМУ Я ТАКОЙ?”

ВОДА ИЗ ЯДРА ИСКРЕННОСТИ.

ДЕСЕРТ “Я ПОЧТИ ПРОСТИЛ”.

Игорь нахмурился.

— Есть что-нибудь без психологических последствий?

Лил пролистала меню.

— Лёд.

— Отлично. Дайте лёд.

Официант, похожий на абстрактную идею вежливости,

появился у стола.

— Лёд временно расплавлен правдой, — сообщил он.

— Тогда воду, — вздохнул Игорь. — Но маленькую.

— Вода здесь вся из Ядра Искренности, — предупредила

Лил.

— Насколько это опасно?

— Зависит от того, сколько ты себе врёшь.

— Дайте очень маленькую.

Перед ним появился бокал. Вода была настолько прозрачной, что казалось, в ней вообще нет вещества — только честное намерение жидкости быть жидкостью.

Игорь сделал осторожный глоток.

Мир внутри него вздрогнул.

Не больно. Но резко.

Он вдруг вспомнил всё, что откладывал на потом. Не глобально, не красиво, не в виде большого трагического списка. А мелочами. Письмо, которое хотел написать и не написал. Книгу, которую начал и бросил. Разговор, от которого ушёл в шутку. День, когда мог сказать “мне страшно”, но сказал “я занят”. Обещание себе, данное в двадцать пять: “я не стану таким, как все”. И то, как незаметно он начал становиться именно таким, только с более умными объяснениями.

Он поставил бокал на стол.

— Это не вода.

— Вода.

— Это жидкий допрос.

Лил спокойно отпила из своей чашки.

— Зато без протокола.

— Я чувствую, что меня только что морально отмыли наждачкой.

— Хороший знак.

— Для кого?

— Для души. Эго сейчас, конечно, будет жаловаться в отдел качества.

Игорь невольно рассмеялся.

Смех вышел короткий, хрипловатый, но настоящий.

И именно в этот момент он заметил, что смотрит на Лил иначе. Не как на странную ведьму, которая тащит его по безумному миру. А как на человека — если её вообще можно было так назвать — рядом с которым даже боль не превращалась в катастрофу. Она оставалась болью. Но дышащей. Подвижной. Не последней.

— Что? — спросила Лил.

— Ничего.

— У тебя лицо человека, который собирается сказать что-то слишком серьёзное и вовремя испугался.

— Я просто подумал, что ты странная.

— Это ты уже говорил.

— Теперь это почти комплимент.

— Прогресс.

Они вышли из кафе и направились к байку.

И почти дошли, когда перед ними из тумана возник ин-

спектор.

Высокий, монументальный, в тёмно-синем мундире, который одновременно напоминал форму дорожной полиции, космический доспех и кошмар любого водителя после неудачного поворота. На груди мерцала платиновая звезда:

ВЕРХОВНЫЙ ИНСПЕКТОР РЕАЛЬНОСТЕЙ.

Игорь остановился.

— Только не это.

— Граждане транзитники, — произнёс инспектор таким голосом, что мрамор под ногами стал вести себя уважительнее. — Зафиксировано превышение скорости света на участке четвёртой магистрали. Также обнаружено нестабильное эмоциональное ускорение пассажира.

Лил сделала невинное лицо.

— Инспектор, у нас экстренный случай. Субъект первого уровня адаптации. Только что выиграл партию у нейросети и не развалился. Мы ехали по медицинской необходимости.

Инспектор повернул визор к Игорю.

— Субъект Игорь. Подтвердите.

Игорь выпрямился.

— Подтверждаю. Я действительно не развалился. Хотя были основания.

Инспектор молчал.

— И вообще, — добавил Игорь, чувствуя, что его несёт, — я не управлял транспортным средством. Я был пассажиром, эмоциональным грузом и, возможно, частично пострада-

давшей стороной.

Лил тихо сказала:

— Лучше остановись.

— Поздно, — прошептал он. — Во мне вода правды.

Инспектор наклонил голову.

— Попытка использовать искренность как смягчающее обстоятельство зафиксирована.

— Сработало?

— Частично.

— Уже успех.

Инспектор поднял руку. В воздухе появилась голографическая квитанция.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

НАРУШЕНИЕ: ПРЕВЫШЕНИЕ СКОРОСТИ СМЫСЛОВОЙ АДАПТАЦИИ.

ШТРАФ: ОДИН ЧЕСТНЫЙ ВОПРОС К СЕБЕ ДО СЛЕДУЮЩЕЙ СТАНЦИИ.

Игорь посмотрел на Лил.

— Это законно?

— Очень.

— А если я не задам?

— Вопрос сам тебя догонит.

Инспектор сделал шаг ближе.

— Также предупреждаю: попытка симулировать осознанность карается возвратом в исходную реальность без компенсации пережитого опыта.

— А симулировать неосознанность можно? — спросил Игорь.

Инспектор медленно повернул к нему визор.

Лил закрыла глаза.

— Иногда, философ, молчание — это не капитуляция, а ремень безопасности.

— Понял.

Инспектор исчез в тумане так же внезапно, как появился.

Лил выдохнула.

— Ты только что спорил с Верховным Инспектором Реальностей.

— Я нервничал.

— Ты всегда нервничаешь словами.

— Это лучше, чем молча разрушаться.

Лил посмотрела на него уже мягче.

— Да. Лучше.

Они сели на байк.

Позади, над станцией, вспыхнул огромный рекламный щит:

МЫ ВЕРНЁМ ВАМ ВЕРУ В СЕБЯ. ГАРАНТИЯ НА ТРИ РЕИНКАРНАЦИИ.

ПРИ ПОБОЧНЫХ ЭФФЕКТАХ ОБРАТИТЕСЬ К СВОЕМУ ВНУТРЕННЕМУ РЕБЁНКУ.

Игорь прочитал.

— У вас даже духовность с рекламным отделом.

— Конечно. Иначе её никто не заметит.

Байк сорвался с места.

Станция очистки осталась позади — мягкая, светлая, странно тихая. Межмировое шоссе снова раскрылось впереди, серебристое, живое, бесконечное.

Игорь держался за Лил и смотрел на проносящиеся миры.

Он не стал другим.

Не проснулся окончательно.

Не стал мудрецом, героем или человеком, который внешне понял устройство бытия.

Но внутри стало чуть свободнее.

На один свинцовый воротник меньше.

На одну старую обиду тише.

На один вдох глубже.

— Знаешь, — сказал он, — мне начинает нравиться это место.

— Правда?

— Оно абсолютно сумасшедшее.

— Это недостаток?

— Нет. Просто на Земле сумасшествие обычно притворяется нормой. А здесь хотя бы честно.

Лил улыбнулась, не оборачиваясь.

— Вот за это я Мультиверс и люблю.

— За сумасшествие?

— За честность.

— Опять это слово.

— Привыкай, философ.

Впереди шоссе потемнело.

Неоновые нити на асфальте стали холоднее. Воздух уплотнился. По краям дороги начали появляться отражения — сначала размытые, потом всё более ясные. Игорь увидел в них не себя, а какие-то возможные версии себя: один был старше и строже, другой улыбался слишком легко, третий стоял в пустой аудитории, четвёртый смотрел на Лил так, будто уже знал, чем всё закончится.

Игорь сглотнул.

— Лил?

— Вижу.

— Это что?

— Зона Зеркальных аномалий.

— Звучит плохо.

— Не плохо. Опасно.

— Спасибо, успокоила.

— Зеркала не нападают, — сказала она. — Они просто показывают.

— Вот именно это меня и пугает.

На её шлеме вспыхнула новая надпись:

ВНИМАНИЕ.

ДАЛЕЕ: ЗЕРКАЛЬНЫЙ МОТЕЛЬ.

НЕ ДОВЕРЯЙТЕ ОТРАЖЕНИЯМ, КОТОРЫЕ СЛИШКОМ ХОРОШО ВАС ПОНИМАЮТ.

Игорь прочитал.

Потом крепче ухватился за Лил.

— Я официально заявляю, что после автомойки души мне нужен отпуск.

— Будет.

— Где?

— В следующей главе точно нет.

Байк влетел в зеркальный туман.

ГЛАВА 4. Зеркальный мотель

Межмировое шоссе не закончилось.

Оно просто устало притворяться дорогой.

Серебристый асфальт под колёсами хOVERбайка сначала дрогнул, потом пошёл тяжёлой жидкой рябью, словно его залили ртутью, потом вдруг поднялся вертикальной волной и мягко вытолкнул байк на обочину реальности.

Лил сбросила скорость.

Игорь оглянулся.

Позади ещё секунду назад редела магистраль, по которой неслись судьбы, миры, странные грузовики с надписью “Осторожно: несказанные признания” и один подозрительно быстрый фургон доставки вдохновения.

Тихая.

Теперь там была только пустота.

Фиолетовая.

И слишком внимательная.

— Скажи мне, что это нормальная остановка, — попросил Игорь.

— Нормальная для этого участка.

— У тебя всё “нормальное” звучит как диагноз.

— Потому что ты всё ещё ждёшь от реальности вежливого поведения.

Прямо перед ними из тумана возникло здание.

Трёхэтажный мотель.

Самый обычный и самый невозможный одновременно. Тёмное матовое стекло, железные лестницы снаружи, длинные балконы, ряды дверей, тусклый неон. Он выглядел так, будто его вырезали из старого американского фильма про ночную трассу, одиночество и плохой кофе, а потом забыли предупредить, что теперь он работает между мирами.

Над входом мигала вывеска:

МОТЕЛЬ “Я И МОИ ДРУГИЕ Я”.

СВОБОДНЫЕ НОМЕРА ЕСТЬ ВСЕГДА.

ОСОБЕННО ЕСЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВЫ ВСЁ ЕЩЁ СНАРУЖИ.

Чуть ниже горел мелкий текст:

АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСТРЕЧИ С СОБОЙ В НЕУДОБНОМ ВОЗРАСТЕ.

Игорь прочитал.

Потом медленно повернулся к Лил.

— Нет.

— Что “нет”?

— Просто нет.

— Ты уже пробовал этот ход на Арене.

— Он мне понравился. Универсальный.

— Здесь не сработает.

— Почему?

— Потому что мотель уже тебя заселил.

— Я ещё даже с байка не слез.

Лил кивнула на вывеску.

На ней появилась новая строка:

ГОСТЬ ИГОРЬ АНДРЕЕВИЧ.

НОМЕР ПОДГОТОВЛЕН.

СОПРОТИВЛЕНИЕ УЧТЕНО В СТОИМОСТИ.

Игорь устало закрыл глаза.

— Мне всё меньше нравится персонализированный сервис.

— Зато быстро.

Он слез с байка.

Воздух вокруг мотеля был холодным и сухим. Пахло старыми фотографиями, пылью на книжных полках, давно не открытыми письмами и чем-то ещё — странно знакомым, как комната детства, в которую возвращаешься взрослым и вдруг понимаешь, что стены стали ниже.

— Здесь неприятно, — сказал Игорь.

— Отличный признак.

— Ты это говоришь каждый раз, когда мне неприятно.

— Потому что твоё внутреннее сопротивление пока лучший навигатор. Где тебя сильнее всего коробит, там обычно и дверь.

— А может, это просто нормальный инстинкт самосохранения?

— Иногда. Но ты его слишком часто используешь как интерьер.

Они подошли к стеклянной двери.

На ней висела табличка:

**ВХОДЯ, НЕ ЗАБУДЬТЕ: ВАШИ ОТРАЖЕНИЯ МОГУТ
ИМЕТЬ СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ.**

— А если я не хочу знать их мнение?

— Поздно, — сказала Лил и толкнула дверь.

Холл встретил их приглушённым светом.

Старые кресла из тёмной кожи. Ковёр с геометрическим узором, который будто пытался сложиться в карту чужих жизней. На стенах — картины в тяжёлых рамах. Игорь приоткрыл глаза и понял, что на каждой картине изображён он сам, но в разных обстоятельствах: где-то он стоит на сцене перед залом, где-то сидит за письменным столом в комнате с видом на море, где-то спорит с невидимым собеседником, где-то просто смеётся так свободно, что Игорю стало неприятно.

— Мне кажется, оформление немного навязчивое, — сказал он.

— Мотель работает с тем, что есть.

— У него плохие исходные данные.

— Не прибедняйся.

За стойкой рецепции сидел портье.

Игорь сделал шаг вперёд, собираясь сказать что-нибудь максимально нейтральное.

И замер.

Портье был он.

Тот же разлёт бровей. Те же очки. Та же горбинка носа.
Тот же взгляд.

Но не совсем.

Этот Игорь был собран иначе. В нём не было привычной усталой уступчивости, той внутренней привычки заранее просить у жизни разрешение на своё существование. Он сидел прямо, спокойно, уверенно. На нём был идеально сшитый тёмный костюм. Руки лежали на стойке так, будто весь Мультиверс был сложной, но решаемой задачей.

Он поднял глаза.

— Добро пожаловать в мотель “Я и мои другие я”. Документы, пожалуйста.

Игорь медленно повернулся к Лил.

— Он похож на меня.

— Да ладно? — Лил сделала удивлённое лицо. — А я думала, это местный сантехник.

Портье улыбнулся.

— Желательно предъявить те документы, в которых вы ещё искренне верите, что ваша жизнь была единственно возможной.

— У меня таких с собой нет, — сказал Игорь.

— Ничего страшного. Большинство гостей оставляют их дома вместе с самообманом.

— Кто ты?

Портье положил перед ним толстую книгу регистрации. Страницы были зеркальными.

— Я? Один из вариантов. Можно сказать, администратор твоих упущенных траекторий.

— То есть я разговариваю с собой?

— Ты занимаешься этим всю жизнь, Игорь Андреевич.

Просто обычно делаешь вид, что это мышление.

Лил за его спиной тихо фыркнула.

— Я уже люблю этот отель.

— Не помогай ему, — бросил Игорь.

— Я и не помогаю. Он отлично справляется.

Портье повернул книгу к Игорю.

На зеркальной странице появилась строка:

ГОСТЬ: ИГОРЬ АНДРЕЕВИЧ.

СОСТОЯНИЕ: ПОСЛЕ ПЕРВОГО ЧЕСТНОГО ХОДА.

ОСНОВНОЙ СТРАХ: УВИДЕТЬ, ЧТО МОЖНО БЫЛО

ИНАЧЕ.

НОМЕР: 404.

ПРИМЕЧАНИЕ: СЕБЯ НЕ НАЙДЕНО.

Игорь нахмурился.

— “Себя не найдено” — это уже перебор.

— Номер 404, — спокойно сказал портье. — У нас тонкое чувство юмора.

— У вас хамское чувство юмора.

— Это зависит от того, с какой стороны зеркала смотреть.

Он снял с доски тяжёлый латунный ключ. На брелоке было выгравировано:

404 НЕ НАЙДЕН, НО ЕЩЁ ИЩЕТ.

— Комната на втором этаже, направо по коридору. Приятной встречи.

— С кем?

Портье посмотрел ему прямо в глаза.

— С тем, кого ты всю жизнь называл “потом”.

Игорь вдруг почувствовал, как холод проходит под рёбрами.

Лил взяла ключ и пошла к лестнице.

— Пошли.

— Ты со мной?

— До двери.

— А дальше?

— Дальше твой номер.

— Очень удобно. Привезла, сдала в психологический отель и ушла пить кофе.

— Во-первых, там действительно хороший кофе. Во-вторых, некоторые двери открываются только изнутри.

— Вы все тут проходили курсы красивых фраз?

— Нет. Просто долго живём.

Коридор второго этажа был узким и длинным. По обе стороны тянулись двери с номерами. Из-за некоторых доносились голоса. Где-то кто-то спорил сам с собой. Где-то кто-то смеялся. За дверью 212 мужчина громко убеждал свою юность, что “всё было не так просто”. За дверью 318 чей-то женский голос говорил: “Я же предупреждала тебя в двадцать семь”.

— Здесь все разговаривают с собой? — тихо спросил Игорь.

— Почти все.

— А кто не разговаривает?

— Те, кто уже начал слушать.

Они остановились у двери 404.

Дверь была простая, с облупившейся краской и маленьким глазком. Но в этом глазке отражалось не лицо Игоря, а его спина. Будто номер уже видел, как он уйдёт.

Лил протянула ключ.

Её лицо стало серьёзнее.

— Если станет страшно, не пытайся победить. Просто не убегай.

— А если захочу убежать?

— Захочешь.

— Великолепно.

— Но дверь всё равно будет на месте.

— Ты меня утешаешь или инструктируешь?

— Да.

Игорь взял ключ.

— А ты?

— Я буду внизу.

— С кофе?

— С кофе.

— Предательница.

Лил улыбнулась.

— Живая поддержка иногда выглядит как невмешательство.

Игорь вставил ключ.

Замок щёлкнул слишком громко.

Комната оказалась пугающе обычной.

Серая двуспальная кровать. Старое покрывало. Тумбочка. Лампа с жёлтым абажуром. Узкое окно, за которым вместо парковки расстилалась фиолетовая пустота. На стене — овальное зеркало. Напротив кровати — пузатый телевизор, такой старый, что Игорь почти ожидал увидеть на нём антенну.

Телевизор был включён.

На экране сидел он.

Точно в такой же комнате.

Точно на такой же кровати.

И смотрел прямо на него.

— Ну привет, — сказал Игорь из телевизора.

Настоящий Игорь отступил к двери.

— Нет. Нет-нет-нет. Мы уже это проходили. У меня сегодня лимит на встречи с собой.

— Лимиты для тех, кто умеет вовремя останавливаться, — сказал телевизионный Игорь.

— А ты кто?

— Серьёзно? Мы в Зеркальном мотеле. Ты в номере 404. На экране сидишь ты. И всё равно первый вопрос: “кто ты?”

— Я преподаватель. У меня профессиональная деформация. Мы обязаны задавать очевидные вопросы с важным видом.

Двойник улыбнулся.

Экран пошёл рябью.

Пластиковая рамка телевизора дрогнула, стала мягкой, как вода, и двойник просто перешагнул через неё в комнату.

Игорь застыл.

— Это было дорого?

— Что?

— Спецэффект.

— Для тебя бесплатно. Ты оплатил его годами избегания.

Двойник стоял напротив.

Он был Игорем, но другим. Не идеальным. Не сказочным. Не глянцевым. Просто более собранным. В его лице были усталость и шрамы, но не было того постоянного внутренне-го извинения, с которым настоящий Игорь привык входить в любую комнату.

— Ты тот самый? — спросил Игорь.

— Какой?

— Кем я должен был стать.

Двойник чуть склонил голову.

— Никто никем не должен был стать. Это первая ложь, на которой ломаются люди. Я не “должен был”. Я просто один из тех, кем ты мог стать.

— Успешный?

— В каких единицах измерять?

— Ну... центр, книги, свобода, признание.

— Было.

— Деньги?

— Достаточно.

— Счастье?

Двойник помолчал.

И впервые его лицо стало не уверенным, а живым.

— Сложнее.

Игорь сел на стул у стены.

— Значит, и там не всё идеально.

— Конечно нет. Идеальная жизнь существует только в чужих фантазиях и рекламных презентациях.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы ты перестал использовать несовершенство любых вариантов как оправдание ничего не выбирать.

Игорь сжал пальцы на подлокотнике.

— Ты говоришь как человек, которому легко судить.

— Нет. Я говорю как человек, который однажды тоже стоял перед выбором и трясся от страха. Просто сделал шаг.

— И всё получилось?

— Нет.

— Тогда в чём разница?

Двойник подошёл к окну. За стеклом медленно плыли отражения других дорог.

— Разница в том, что когда не получилось, я хотя бы знал: это моя жизнь. Моя ошибка. Моя боль. Мой риск. Я не мог обвинить кафедру, ипотеку, возраст, страну, обстоятельства, усталость, здравый смысл и плохую погоду.

— Очень удобно. Ты пришёл сказать, что я трус?

— Нет.

— А звучит так.

— Потому что ты сам давно так думаешь. Я просто говорю без твоей внутренней цензуры.

В комнате стало тише.

Даже лампа будто начала светить осторожнее.

Игорь посмотрел на зеркало на стене.

В нём отражался не он нынешний, а множество версий. Он в двадцать лет с тетрадью стихов. Он в тридцать с письмом, которое так и не отправил. Он в тридцать пять, сидящий ночью за ноутбуком с пустым документом. Он в сорок, если бы однажды всё-таки рискнул. Он старик, который улыбается слишком спокойно. Он старик, который смотрит в окно и больше не ждёт ничего.

— Хватит, — сказал Игорь.

Зеркало не остановилось.

— Хватит!

Двойник спокойно повернулся.

— Вот это и есть твой главный талант.

— Какой?

— Ты умеешь кричать “хватит” на зеркало, но редко говоришь это жизни.

Игорь резко встал.

— Ты слишком самоуверенный.

— Да.

— Высокомерный.

— Возможно.

— И раздражающе правильный.

— Бывает.

— Я бы не хотел быть тобой.

Двойник улыбнулся. Не обиделся. Даже будто обрадовался.

ся.

— Наконец-то.

Игорь моргнул.

— Что?

— Наконец-то ты сказал что-то честное.

— Я думал, ты пришёл доказать, что я должен стать тобой.

— Нет, Игорь. Я пришёл, чтобы ты перестал поклоняться мне как призраку несбывшейся жизни.

Эти слова ударили неожиданно.

Не больно.

Глубже.

— Я тебе не поклоняюсь.

— Поклоняешься. Каждый раз, когда говоришь себе: “если бы я тогда...”

Каждый раз, когда представляешь, что в другой версии ты был бы сильнее, умнее, смелее, настоящей. Ты сделал из меня икону. А я просто человек. Такой же уставший. Такой же ошибающийся. Просто с другими шрамами.

Игорь медленно сел обратно.

— Тогда зачем всё это?

— Чтобы ты забрал у меня свою силу.

Двойник подошёл к нему и сел напротив, на край кровати.

— Ты думаешь, что упустил жизнь целиком. Но это неправда. Ты упустил несколько дорог. Не все. Пока человек жив, у него не может быть только прошлое. Даже если он очень старается.

Игорь усмехнулся.

— Звучит как мотивационная брошюра.

— Да. Но иногда даже мотивационная брошюра случайно говорит правду.

— Ужасное признание для философа.

— Переживёшь.

За стеной кто-то громко крикнул:

— Я НЕ ОБЯЗАН БЫЛ СТАНОВИТЬСЯ СТОМАТОЛОГОМ!

Потом послышался второй голос:

— ЗАТО У ТЕБЯ БЫЛА СТАБИЛЬНОСТЬ!

Потом что-то разбилось.

Игорь и двойник одновременно посмотрели на стену.

— Тяжёлый этаж, — сказал двойник.

— У вас тут всегда так?

— По четвергам хуже. Привозят бухгалтеров.

Игорь неожиданно рассмеялся.

Смех вышел нервный, но настоящий.

Двойник тоже улыбнулся.

И в этом было самое странное: он перестал казаться вра-

ГОМ.

Он всё ещё раздражал. Но уже не как обвинитель. Скорее как старший брат из возможной жизни, который пришёл не унижить, а вернуть украденное.

— Скажи честно, — тихо спросил Игорь. — Ты счастливее меня?

Двойник посмотрел в окно.

Долго.

— Я честнее тебя.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Игорь опустил глаза.

— А если я не смогу?

— Сможешь что?

— Стать собой.

— Ты уже есть собой. Просто в плохой редакции.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Надо убрать повторы страха, вырезать чужие ожидания, добавить действия и перестать писать себя как второстепенного персонажа.

Игорь поднял на него взгляд.

— Ты сейчас сравнил мою жизнь с плохо отредактированной рукописью?

— Да.

— Обидно.

— Зато понятно.

Игорь задумался.

Где-то глубоко внутри что-то сдвинулось. Не рухнуло. Не просветлело. Просто сдвинулось на пару миллиметров, как тяжёлая дверь, которую давно считали стеной.

— Я не хочу быть тобой, — сказал он наконец.

Двойник кивнул.

— Хорошо.

— Но я не хочу больше быть и тем, кем был.

— Ещё лучше.

— А кем тогда?

— Вот это уже настоящий вопрос.

В комнате погасла лампа.

Зеркало на стене стало тёмным.

Телевизор зашипел.

Двойник начал растворяться в воздухе, будто его постепенно забирала та реальность, из которой он пришёл.

— Подожди, — сказал Игорь.

— Что?

— Что мне делать?

Двойник посмотрел на него уже почти прозрачно.

— Следующий честный шаг. Не великий. Не красивый.

Не для зрителей. Просто следующий.

— Это всё?

— Это почти всё, что у людей есть.

Он исчез.

Телевизор щёлкнул и погас.

На экране осталась только белая точка.

Игорь сидел в темноте.

Впервые за долгое время он не пытался немедленно объяснить себе, что произошло.

Просто сидел.

Дышал.

И чувствовал, что в груди стало не легче, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.